

В русском языке слово «хорошо» происходит от старого «хóрошь», а оно, вероятно, доносит до нас древнее имя забытого ныне бога солнца — Хорса (Хърсъ). То есть, в древнем понимании, «хорошо» — это как солнце, а уж солнце — это всегда хорошо... И, как тысячи лет назад повелось в Северном полушарии, так было и в этот день — было и хорошо, и было солнце.

— Дедушка, а что мы просто так сидим? Давай лучше я плавать буду, и на следующих соревнованиях точно победю! — заявил семилетий Илья, имея в виду непочетное «третье с конца» место на недавних внутренних соревнованиях его плавательной секции.

Обстановка располагала к плаванию. Дед с внуком сидели на песчаном берегу местной речки, чье неторопливое течение не представляло никакой опасности для ребенка. Вокруг носились ласточки, и уже с неделю стояло уверенное июньское тепло. Природа налилась зеленым соком и спешила разрастаться и жить. Рядом лежали три удочки, однако дед не испытывал желания расставлять их, предпочтя рыбалке молчаливое созерцание.

— Нет такого слова в русском языке. Нельзя сказать «победю».

— А как сказать? «Побеждю», что ли?

— И такого слова нет. Никак не сказать.

— Это почему? Давай придумаем такое слово...

— Не надо придумывать. Не нужны эти слова. Нет ни «побеждю», ни «победю», потому что неизвестно еще — победишь ты или нет. Так уж в Россиюшке уложено — не загадывать победу. Бедово это.

— Мммм... ну ясно... А почему тогда есть слово «победим»?

— Ну, так... Когда нас много — мы всегда победим, — усмехнулся дед. — Вместе — сила, известно ведь!

Дед в семье слыл чудаковатым. Сторонился людей и все больше замыкался в себе. Трепетно относился к словам, сердился иногда ни с того ни с сего. Любил чистоту, но органический мусор раскидывал по палисаднику, а иногда и вовсе за забор. С годами странновато стал произносить слова — медленно и веско, четко выговаривая буквы и делая необычные ударения или акценты. Из-за этого его речь стала попахивать какой-то brutальной патриархальностью и даже язычеством. «В каком-то своем мире живет... По ходу, параллельное гражданство себе на небесах оформил...» — шутил сын.

— Ну, так можно поплавать или нет? — переспросил Илья.

— Давай поплаваем. Так оно лучше.

— Спасибо, дедуль. Мама в жизни бы не разрешила.

— И тебя спаси Бог, внуче. Спаси и сохрани... А мамка... на то и мамка.

Матери возводят стену перед своими детьми, чтоб их защитить. На пользу ли это? Дед вспоминал сейчас и свою мать, и в общем, затушеванном уже, калейдоскопе воспоминаний она не потеряла ни остроты, ни яркости. Как наяву. Мать — первое существо для каждого человека и первое слово в любом языке... Все ли они делают правильно? Нет. Но они делают все, что могут. Мама — священно.

— От меня и по лево, внуче. И далеко не плавай.

— Против течения, что ль?

— По течению каждый может.

— Ну ладно.

«Ладно — суть лад — порядок, устой, согласованность, равновесие», — думал себе дед. Почему согласие выражается этим словом? В противоречии мироустройству согласие не имеет веса? Или как согласие с законами мироустройства? Он глянул на потомка. Потомок, фыркая и хлопая по бокам, медленно входил в воду.

— Холодная?

— Нет, деда... Ты лезь и увидишь.

— Я и так вижу. Холодна.

— И что, не поплывешь?

— Я и так уже плыву...

— Это где ты плывешь? — оглянулся Илья.

— По веремени, внуче, по веремени.

Время в сознании деда неизбежно растягивалось в сакральное веремие — что-то таинственное, длинное и бесконечное. Похожее на темное течение этой небольшой реки, оно неспешно текло из ниоткуда и исчезало в непроглядной дали. «Вервие, веретено — все это нить», — думал дед. Но веремие, в какой-то точке которого он ощущал и себя, это нечто большее... Течение, являющееся причиной, началом и концом, порядком и строем. Непостижимое и всеобъемлющее.

- Все реки текут, внуче. Все, — резюмировал свою мысль дед.
- И почему?
- Чтобы быть. Что не движется, то умирает.
- Все, что не движется, умирает? И я умру, если не буду двигаться?
- Точно.
- А если я всегда буду двигаться, я никогда не умру?
- Все останавливается рано или поздно, Илюш. И умирает.
- Но почему останавливается? Просто так?
- Просто так не бывает. На все причина.

«Как иначе?» — думал дед. Причина — это «нечто при чине». А чин — это и есть порядок, лад, способ, закон. Любая причина — следствие закона мироздания. Она не бывает просто так.

- Дед, а сколько тебе лет?
- Много, не помню уж.
- А не умирать сложно?
- Не умирать легко. Жить сложно.
- Это почему?
- Потому что «сложно». Потому что сложить надо много всего, чтобы жизнь получилась. А если не слаживать, то не полная она, больная, жизнь.
- Это когда болеешь?
- Нет. И да.
- Когда бедный?
- Не так. Бедный — это просто когда беда в самом человеке. От малого ума или еще как... Но и бедам всегда есть причина. А не когда денег нет. Бедными и с деньгами бывают.

Бедный при деньгах. Одинокий в людях... Омут воспоминаний затягивал старика. Он вспоминал себя. Успех, к которому стремился. Что это? Успех — в русском языке само это слово означает «то, что произошло поспешно». Удача — «то, что дается». Где здесь был он сам? Но казалось, что во всем — личная заслуга. Поэтому пришла гордость. Не зря предки назвали ее этим словом: «отгородиться», «ограда», «городить» — все это слова того же значения. Гордость возводит вокруг себя стены и начинает не замечать окружающих. Поэтому за гордостью всегда приходит одиночество — состояние, сложенное в нашем языке из слов «один» и «очи». В этом пустом одиночестве, среди собственных мыслей, силясь объяснить возникшую неполноценность, душу человека неизбежно наполняет разочарование — буквально «разрыв чар», владевших впечатлительной душой. И вот тогда это становится «невыносимым» — то есть, «тем, что невозможно вынести». Из души. Никогда.

— Дед, а я стану богатым?
— Господи спаси, ты и так богат, Илюш...
— Это как так, дед? У нас богатство есть?
— Есть у тебя лично. Да еще прибавится, если не растеряешь. Вдумайся, богатство — это что Бог дает. Только не замечаешь ты его пока. Проживешь жизнь, поймешь.

Какое ему богатство? Исковеркали суть всего. Думают — деньги! Достаток — это, может, и деньги, но и то лишь столько, сколько «достаточно». Но не «богатство». Деньги точно не от Бога. Никогда не было еще ни с кем такого, чтоб деньги счастье несли. И будет ведь стремиться, добиваться... А что такое стремление? Быстрота, стрела, стремнина — все это одно слово. А быстрота редко устойчива. «Стремнина» ведь, пропасть. А добиваться — это и вовсе бить нечто и добывать. Никак, саму жизнь... Вот жизнь нас потом и судит. А мы жалуемся на судьбу. Судьба — это и есть суд. Суд самой жизни. Потому этим словом и названа.

— Представь, Илюш, то есть «поставь перед собой навсегда», что есть Великий суд. Не тот, который в Писаниях сказано, а прямо сейчас происходит. И вот все твои слова и поступки судья взвешивает... Имя судьи, как есть — «судьба». И вот как ты поступаешь — так тебе и откликнется. Ложь — в дрожь. Страх — в прах. Совесть — добрая весть. Честный — чистая честь. И будет тебе и богатство, и честь, и радость.

Внук уже не слышал деда. Взбивая воду, он всеми мыслями был там — на будущих соревнованиях и в будущей взрослой жизни, чуть ли не знаменитый пловец, готовый броситься и спасти, или выполнить особо важное задание... Река времени всегда шепчет нам о будущем. Но нам трудно услышать ее. Может, потому, что избегаем тишины...

«Не лги ни себе, ни миру. Не разбрасывай слова, а храни их. Нет их лишних, пригодятся. Думай над всем, что делаешь. Всегда спрашивай «почему» и «что», — как молитву, медленно проговаривал дед.

«Нет лжи и нет вины — наступит свобода», — размышлял он. «Свобода» суть два слова — «свое» и «бда», то есть «бытие, бдение, пребывание». То есть это пребывание в нечто своем, а не чужом. Получается, либо принимаешь закон и делаешь своим, либо свой чин создаешь, который не противу речи лада мира... Будь, Илюша. Дорога свобода, да ценна.

Не так уж все мудрено. Не такие уж они непонятные — чин, лад и мир. Из года в год род людской размышляет и открывает этот закон. Все, что несет веремие — неизменно. Находят люди новое — выражают его словами, складывая новое понятие из существующих, а если не находят слов, то называют так, как чувствуют... В том и мудрость вся. Все объяснено давно. Кто не додумал еще — у того мало слов в языке, кто понял — у того язык тяжелее. Только стали забывать смысл того, что говорим... Оттого и разлад.

— Деда, деда... — тряс его за шею Илюха. — Ты заснул, что ли?
Очнувшись от грез, дед опознал перед собой широко раскрытые глаза внука, увидел их тревогу и возбуждение, ощутил холод мокрых ладошек, сжимающих его шею.

- Деда, я подумал, что ты устал двигаться и умер!
- Не бойся так за деда, внуче. Когда дед перестанет двигаться и умрет, он все равно останется.
- А где ты останешься? Я хочу к тебе приходиться.
- Тебе не нужно будет никуда приходиться. Я останусь в тебе.

Солнце светило все так же, ласточки живыми пулями взлетали над речкой и бросались вниз, а вода безмолвно текла... Обняв за спину мокрого внука, грея его своим теплом и чувствуя биение маленького сердца, на песке берега сидел старик. В русском языке слово «счастье» образовано из двух слов и обозначает «соединение с чем-то большим, частью чего являешься».

И так оно и было.

ИГРА

В то солнечное лето птицы будто не могли накричаться. Сладко и самозабвенно они надрывали свои маленькие связки изо всех углов и кустов небольшой бабушкиной деревни. Они кричали о счастье и сытости, кишасей вокруг, о своих птенцах и гнездах, о вечно благополучном прогнозе Гидрометеоцентра и об умопомрачительных деревенских закатах.

Мы, городские дети, оставленные своими родителями на летний период под стариковский присмотр, также забыв обо всем, бегали по песчаным улицам, наслаждаясь текущим моментом, даже и не пытаясь знать что-то о будущем. Жгли костры и сбивали пятки, купались в речке и воровали соседскую клубнику, играли в индейцев и пытались улизнуть от взрослых поручений. В настоящем было столько всего интересного, что будущего просто не существовало...

— Я — Мороз Красный Нос! — ревел, как медведь, чуть выпивший дядя Витя. — Кого коснусь — заморожу!

Широко расставив руки, он стоял посреди неширокого двора, пытаюсь коснуться кого-либо из нас, пробежавших мимо него в обоих направлениях. Нос его, наверное, действительно был красноват, но от всего этого рычания исходило такое дружелюбное благолепие, что мы с хохотом проносились мимо, пытаюсь раздражить его еще больше.

Самый старший из нас, Саша, всячески демонстрировал, что его не очень-то забавляет игра в салочки с мелюзгой, и поэтому в момент всеобщего перебежания, нарочито не спеша, грациозно, как гепард, перемещался на противоположный край двора, самодовольно усмехаясь. Но, конечно, его захватывал азарт успеха. Кроме того, он поглядывал в сторону бурно взрослеющей Ани.

— Я боюсь! Не побегу! — визжал робкий соседский Вадик, но все равно бежал.

— Красный нос, красный нос! — дразнил, уворачиваясь от рук дяди Вити, ловкий Мишка.

Словно сквозь лопасти сказочной мельницы проносились мы между его рук. Маленькие дон-кихоты, побеждавшие каждый в своей сказке. Один за другим игроки замирали посреди двора, но радость от этого не прерывалась. Вот и я, хохоча, уже стоял «замороженный». Саша, поняв, что скоро останется единственным участником, незадолго до этого незаметно вышел из игры и сидел в стороне.

— Дед Мороз, ты меня сейчас сразу заморозишь! — вскричала Аня, желая утвердить первенство. — Тогда кто победил? Что это за игра, если нет победителя?..

Через много лет ослепительная красавица Аня, бросив институт, скатится на самое дно. Привыкнув пользоваться своим обаянием, она пропустила момент, когда нужно было выбирать пристань, и вешалась уже на каждого, кто хоть ненадолго мог обеспечить ей существование. Говорят, она смогла найти в себе силы слезть с зависимостей и, наконец, выскочила то ли за француза, то ли за араба, но и там не сложилось. Вернулась. Только в возрасте далеко за тридцать она нашла простого крепкого мужчину-вдовца и смогла родить ребенка. Говорят, что сейчас она поет в церковном хоре. Мишка, которому на заре жизни Аня успела разбить сердце, пропал лет на двадцать, но в двухтысячных вернулся в деревню, сразу женился на местной из молодых, завел троих детишек и построил дом на месте родительского. Каким-то образом мы однажды увиделись, и сейчас иногда я навещаю их крепкую простую семью. Именно от него я узнал, что наш нерешительный Вадик, попав в армию, не стал уклоняться от распределения и уже в Чечне попал под новогоднюю раздачу. Вернулся он с четырьмя ранениями и орденом Мужества. Говорят, вытаскивал пацанов. Это немного стало нам известно от его матери, живущей в деревне. Сам он давно переехал в другой регион. Самый старший из той нашей вечной компании, Саша, в деревне давно уже не показывается. Еще в девяностых он примкнул к «правильной» компании, что обеспечило ему некоторый успех, но и затребовало определенной жертвы. Ему пришлось порвать с родителями, так как фактически их разорили люди, с которыми Саша связал свою судьбу. Выбор, совершенный им, не подлежит обсуждению и разговорам. Про него просто забыли. Мне кажется, я однажды видел его, за рулем неплохого автомобиля, но он отвел глаза и проехал мимо...

— Ах-ха-ха! Потому-то и самая лучшая игра! Ну-ка, беги сюда! Я Мороз Красный Нос, всех заморожу! — комично рычал дядя Витя под общий хохот.

В этой игре не бывает победителей.

